

Дорогой читатель!

Настоящая книга представляет не публиковавшиеся прежде стихи Андрея Правды и новые сказки Веры Лавриной. Связанные творческим и супружеским союзом мы совместно руководили литературной студией Кузбасского технического университета «Лист», готовили коллективные сборники членов студии, организовывали поэтические мероприятия, спорили, ругались, мирились, огорчались, радовались. Разочаровывались и восхищались многообразным литературным процессом вокруг нас. Из этой общей работы и постоянного диалога родились желание и идея издания совместной книги.

Она подводит некий промежуточный итог нашей литературной деятельности, предоставляет возможность познакомиться с новыми произведениями.

Когда сборник был уже сверстан, мы узнали, что Нина и Леонид Гержидович выпустили сборник под названием «Двое». Сначала занервничали и стали искать другое название. А потом решили: пусть появится в Кузбассе традиция совместного издания книг пишущих супружеских пар. У Гержидович – «Двое». У нас – «Вдвоем». Ожидаем книгу Дмитрия и Натальи Мурзиных «Пара». И других. Начало положено.

Отзывы на книгу можете присылать по адресу:

veralavrina@yandex.ru

a_pravda@yandex.ru

СТИХИ АНДРЕЯ ПРАВДЫ

Это лето так богато тишиной.
Это лето... Это локоть твой,
Небо, хвоя, солнечный песок,
Горсть черники и воды глоток...
Будто в мире только мы с тобой
Упоённые солнцем с тишиной...
Лето-лето – голый локоть твой.

1987

Белый свет разлила хризантема,
По пластинке иголка бежит...
Как в росе паутина, дрожит
Из колонок гитарная тема.

На столе беспорядок, и лист
С переписанными стихами...
Мир прозрачен, заснежен и чист
С голубыми своими дымами.

Сердце будто очнулось – Покров! –
За ночь стали негодны чернила...
И спешащее вечно перо,
Чуть помедлив, рука отложила.

Белый свет затаён в хризантемах.
Как в росе паутина, дрожит
Из колонок гитарная тема,
И игла по пластинке бежит...

1987

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Хризантемы
Остались одни
Под холодной
И хрупкой луной.
Этой ночью,
Вдыхаемый сонно,
Горьковатый
Втекал к нам покой
В приоткрытые
Двери балкона...
Мы с тобою
Лежали в ночи,
И, как грузила,
Были свинцовы
Наши души,
И леской лучи
Протянулись
Сквозь воздух
Кленовый...

1987

Луна разбивалась чугунным ядром
О крепкие тени отцовского сада.
Здесь где-то под вязами спрятался дом
И в розах китайских уснула ограда.

В глубинах июня на тутовом дне
Уже просыпается зноя цикада.
И кажется, бочка вздыхает во сне
О выросшей и возмужавшей рассаде.

А там, над дорожкой, запел соловей,
Пуская по ней за руладой руладу,
Навстречу объятьям горячих камней,
В жасминные звёзды душистой прохлады.

1987

У ЗЕРКАЛА

Зеркало... Странный и тонкий
Флакон дорогих духов.
И выпавшие заколки
Дороже любых стихов...

Мелькание торопливых
Таинственно-нежных рук.
А можно ли быть счастливой,
Не зная прекрасных мук?

Премудрости макияжа...
Легчайший, как пудра, ум.
И в мягких толчках экипажа
Улиц вечерних шум.

Уносит её к ресторанам
Волненья глухого волна, –
Ей факелами реклама,
Холодным костром луна...

1987

Длиннее дни,
Улыбчивей погода,
Но все ещё
В строительных лесах
И небосвод,
И это время года,
Любовь, уверенность...
Лишь страх
Над вешней бездною природы,
Как в цирке, ходит на руках...

1988

В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Они текут
И бляньем курчавым
Хвалу возносят
Блѣклым небесам.

Им в пищу соль
И умершие травы,
Сухой песок
Да скудная роса...

В одном лице
И Ирод и Мессия.
Их пастырь царственный,
Как мгла ночная, смугл.

Он, смутно зная –
Северней Россия,
Себя и степь
Приторочил к седлу...

1988

МОЕЙ ТЕТРАДИ

Ты перегноя нежный разговор
С туманной влагою весенних колебаний,
Моё святилище и тайный мой позор –
Тетрадь рифмованных переживаний.

Ты говоришь о потайном,
В неловкости как будто неповинна,
Когда ж и я залит твоим стыдом,
То ты всё та ж – наивна и невинна.

1988

В этой сказке весенних закатов
Нет дорог, кроме светлых аллей,
Вдоль которых в серебряных латах –
Кавалькады сырых тополей.
Но зачем, но зачем они медлят?!
Этих всадников ждут небеса!
Покрываясь окисленной медью,
В облаках пропадают леса!
И, встречая вечерние зори,
Рассветает дроздами капель,
И, пронзительно чист и минорен,
Подступает к гортани апрель!

1987

Стихия стихов и я.
И время матёрой волчицей
Берцовую кость бытия
Крадёт у истории-ключницы,
И я... весло упирается в дно,
И стонут в досаде уключины...
И цепи рождений звено
Въедается веку в ключицы
Горячей кровавою ржавчиной...
И я... а там, где кончаются улицы
Законов и правил, посаженных чинно,
Где гаснут брюзгливые лица...
Берцовую кость бытия
Крадёт у истории-ключницы
Время, матёрой волчицей,
Стихия стихов и я...

1986

Цикады, ночь, потушенная лампа.
Окно раскрыто в бездну мироздания.
И я немею, выпивая залпом
Полыни пыльной горькое дыханье.
Пожалуй, никогда так близко
Не становилось дальних звёзд мерцанье,
И, галактическим придавленная диском,
Теряла б ночь цикад, полынь, сознание...

1986

Яблоня блеет и... благоухает
Овцою в цветочном шампуне –
В пене, которую тут же и сдует
Ветер, когда в восхищении ахнет!

Яблоня вышла на пастбище огородов,
Облившись арыков духами,
К призору подпасков – подсолнухов сумасбродов,
Мечтающих стать пастухами.

И горы на юге попадали в небо
Сахарными головами,
А яблоня тянется: «Мне бы... и мне бы
Там плыть в облаках, с облаками!».

1987

Как внимательно точит игла
Эту чёрную, с хрипом пластинку –
Будто целую вечность ждала,
Чтоб звучание, как паутинку
Размотав, потянуть из угла
Вместе с пылью сухого тепла
И сверчком за старинной картинкой,
За комодом, за печкой, за винной
Злой бутылкой, не помнящей зла,
В тусклой зелени сна и стекла...
«Эх, когда молодой я была,
Молодой я была и невинной»

1987

ИЗ ЦИКЛА «ДИКТАНТ»

Был день развеянным и сонным.

Стояло солнце

В тишине

Оград.

И двор

Бросал в проём оконный

Свой пыльный

Золотистый взгляд.

Июнь у нас.

Июнь с утра,

Из городских его просонок.

На ум ему

Лишь сказки да игра –

Он весь в царапинах,

Ребёнок.

1987

ВОДОПАД

С неимоверной высоты
Вода срывалась,
Превращаясь
Лишь в призрак,
Лишь в испуг воды...

И он туманной бородою
Над жутью пропасти висел
И, проклиная свой удел,
То вдруг рыдал, то песни пел,
То споры вёл с самим собою,
То в схватках ужаса немел,
Бледнея, походя на мел,
Как снег над талою водою,
Когда б тот таять не хотел...

1987

Светлым холодом первого снега
Осенилась пустая земля.
И, вонзённые вилами в небо,
Неподвижны, молчат тополя.

Как в огромном, прозрачном сосуде
Горький запах гвоздик растворён.
В этом воздухе, мягком и чудном,
Коим каждый сполна одарён...

Это было недавно. Нечаянно
Он пролился, сгустился, возник
Прямо в сердце, глухом, неприкаянном, —
Светлый холод и горечь гвоздик.

1987 (1984–1985)

Ночная мгла
С бивуака снялась –
И, может быть,

Мне это только снилось –
Задвигалась,
Встряхнулась,
Поднялась...
С толпой убогих
«С Богом!»
В путь пустилась.

И застучали посохи в ночи,
Как позвонки
Какой-то древней цепи,
Из тьмы веков,
Откуда звёзд лучи
И нас достанут,
И тебя зацепят...

И если так,
Как мысль твоя вилась:
Мы всё, что есть
И в будущем, и в прошлом, –
То тёмной связи
Крепнущая власть
И нам отмерит
Наш отрезок сошный.

1987

Ветер с вечерних гор
Синих принёс прохладу,
И арыков разговор
Вновь о кистях винограда...

Вот отодвинут зной,
Степь за сухой оградой
Гонит на водопой
Пыль и овечье стадо.

Там же, где гаснет день,
Там, где он умирает, –
Сердце моё, а тень
Следом за мной шагает.

Скажет ли кто: за что
Я полюбил закаты?
Вдоль черноты кустов
Я проберусь украдкой,

И на краю степи
Встретимся мы с подругой...
Пусть вся округа спит.
Крепче же спи, округа!

Ночь так тепла, как та,
Та, что со мною рядом
Дышит, и темнота
В россыпях звездопадов...

Мы на краю степи.
Степь же лежит без края...
Право, куда ступить? –
Звёзды и темь какая!

1987

Солнце медленно садится.
Тени тянутся и тянутся в пыли.
Речка, остывая, золотится...
Разговор, как тесто на неделю,
Вечные старухи завели.

В колких недрах пряных сеновалов
Прячутся последние лучи,
И сверчок в завалинке журчит,
И большая, сладкая усталость
Распряжённой битой телегой
У крыльца скрипучего стоит.

1987

Облачно.
Небо весеннее.
На колокольне
Сухой, как вдова,
Спят голуби
Да колокола...
А завтра
День Воскресения...
А завтра
Вышедшему из церкви
После Всенощной
Ляжет на грудь синева,
Молитв горящих смола
Тогда отлетит к Всевышнему...
И если подняться на гору,
На самый откос,
То можно увидеть:
Нательным крестиком
К небу припал Христос...

1987

Цвела черёмуха, и падал белый свет
На ваше платье с кружевной оборкой...
Я вам читал стихотворенья Лорки
И вот меж них прочёл и свой сонет...

Вы не заметили, вы слушали пчелу,
Звеневшую над сонмищем соцветий
О набежавшем, словно море, лете,
О радости июньскому теплу...

И жизнь текла.
И юность продолжалась...
И всё на свете только начиналось.

1987

Март расколот,
 как будто карниз ледяной...
Он сорвался,
 Он рухнул
 в пыли
 ледяной, водяной...
И уж облако,
 там, над тобой,
Не достать
 даже с высохшей крыши...
А слышишь?
 Как поют вечера,
 когда смутный покой
Размывает ручей
 под стеклянной корой,
И цветы
 потревоженно дышат,
Пробуждаясь
 в задохшихся парниках,
Словно дети,
 уснувшие на руках,
Прикоснувшись
 щекой к изголовью...
И пахнуло
 землёй,
 и листвой,
 и любовью...

1987

Зная всё о всех инфарктах,
Утро мелкими прыжками
Пробегаёт по асфальту
Между сонными домами...

И ещё горит ночное
Освещение, и безлюдно...
Но, наверно, это чудо –
Солнце пригубить парное?

1987

Ты дома? Добрый день!

День нынче действительно как-то мягок и добр:
с утра был тёплый туман и низкие пастельные облака.

К обеду глянуло солнце, запутавшееся в дымке
и повисшее на паутинках – такое тёплое и почему-то беспомощное...

Солнце – игрушечное...

На улице припекает, но из сырых углов веет холодом

И предстоящим...

Бойко идёт торговля привозными

зелёными арбузами и такими же

зелёными привозными дынями.

Пахнет фруктовой гнилью и наворачивающейся,

ещё неясной, несмелой прелью первых, ещё не совсем жёлтых листьев,

которые уже коснулись ждущей их земли;

а кругом всё ещё зелень, и только кое-где,

как отсветы ясного заката,

горсти молодого, незрелого золота...

Это время... время душно-лиловых астр,

мясистых георгин, жирных гладиолусов и одуряющих, бьющих ароматом

наотмашь флоксов...

И мелких пока, но стойко пахнувших полынью, вермутом и шоколадом

хризантем.

Время ещё бегущего, катящегося по инерции лета,

всё ещё не подозревающего, что и ему

вот уже конец...

Так же всё ещё поправляющего свою причёску, надевающего

туфли на высоком каблуке с капроновыми следиками

и смотрящего в уже охладевшее зеркало.

А сама жизнь теперь как пруд, из которого выпустили воду, –

Осталось две лужи, но они-то и прогреты и пронизаны светом насквозь,

и во всём сквозит какая-то непостижимая прелесть и обречённость,

и всюду преследует вкрадчивый запах подсыхающей тины,

и мы ощущаем себя рыбами на дне этого пруда,

накрытого сверху ласковыми дымчатыми небесами,

казалось бы, неспособными причинить нам ничего, кроме этого

всепоглощающего умиротворения и отчуждённости от самих себя

и желания раствориться в этих открывшихся вдруг пустых пространствах.

И ты отдаёшься утолению жажды, утолению голода

по этим пустым, светлым пространствам,

в которых хочется потеряться, как теряется неизвестно где лёгкий жёлтый

лист, подхваченный неожиданным порывом тёплого ещё ветра...

РОЖДЕСТВО

Тёплый свет свечей сочельных
В полынье зимы зажгли...
То ли звук виолончельный,
То ль поют в печи угли?..

То ли ангелы задели
Канители нашей ели,
Обратившись с высоты
В нашу сторону? А ты...

Что ж у губ ты задержала
Искры белого вина?
Что сжимаешь ость бокала
И не пьёшь до дна?

Это там – сквозь мглу метели,
Первозданно гол и бос,
Из соломенной постели
Плачет маленький Христос.

1991

С пустынной башни
Отрешённо,
Как смертник,
Падал жёлтый зной.
Песка не чуя
Под собой,
Верблюды шли
Грядую сонной.

Горбы качались
В такт ходьбе.
На раскалённых углях
Море
Кипело, пенясь,
В разговоре
О водопое и судьбе.

И, ощущая
Нёбом даль,
Во рту
Ворочая барханом,
Пел караванщик каравана
Про зацветающий
Миндаль.

1988

ОТТЕПЕЛЬ

Томску

Холодный чай, тепло от батарей,
А за окном снежки, снежки бросают!
Дворняги носятся и упоённо лают,
И воробей сидит – совсем ничей...

Не оторваться – отошло стекло.
На подоконнике багульник расцветает...
И солнце не на шутку припекло,
И дух весны у форточки витает.

Как скряга-лавочник, зима уже с ленцой
Нам кислого винца на грошик отпускает,
Но Масленицы круглое лицо
Вот-вот весельем крепким запыхает!

Холодный чай, тепло от батарей...
Уж с нетерпением мы календарь листаем,
А кое-кто из нас, который посмелей,
В ломбарде шубу оставляет.

1982

СЕНТЯБРЬСКИЙ БАЗАР В ДЖАМБУЛЕ

В мясном ряду, в мясницких рыжих латах
Сидит Сентябрь, тяжелее плах.
А воздух прелым яблоком пропах,
И в ноздри бьёт размякший жёлтый запах.

Размеренный повсюду ритуал
Степенной, уважительной торговли...
Что хочешь здесь – от спички до оглобли,
От чая до фарфоровых пиал...

Упитанность и сытость... И лоснятся
Арбузов тонкошкурные бока!
Вот слив зрачки в мои глаза косятся...
Дрожит весов железная рука!

Давно уж не был в вашем я краю,
Но всё без разговора понимаю,
И верно, что о вас и заскучаю,
Когда, даст Бог, очнусь и я в раю.

Эй ты, базар! Эй, астры в лейке!
Вот, я приехал! Вот, стою!
И вам кричу: «Салям алейкум!».
Я рад безмерно сентябрю!

1983–1993

Как прозрачно и сухо
Здесь в лесу на закате!
И под стать листопаду
Твоё тёплое платье...

Мы молчим и вдыхаем —
Воздух так ароматен!
И пока что не знаем,
Чем за счастье заплатим.

Так легки и свободны
Наши первые встречи,
Так хрупки и безводны
Тонких веточек плечи...
Не тревожься. Не надо!
Всё, что будет, — от Бога.
Я пойду с тобой рядом
Дорассветной дорогой.

Видишь: осень бесслёзно
И с надеждой упрямой
Держит колкие звёзды
Над холодной поляной.

1983

ДВА ЛЕТНИХ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Сирень. Середина июня. Предгрозье.
И сумрак, и крыши, и сосны лиловы...
Утоплены в омуте воздуха гроздья
Безумно пахучих соцветий крестовых.

Ни звука. Безмолвье. Но тают мгновенья
Беспечного счастья, обмана, игры...
И вот, после вспышки и ослепления,
Всё скомкано, с грохотом – в тартарары,

Смятенью сирени и воплям растоптанным:
Сухая доска – подоконника лоб,
Но даже надменным щелчки были розданы –
Так капли с размаха и вдребезги об...

2.

Июль. Электрички бегут в Кузедеево.
А небо синее, и в нём облака.
Глазеем ли, спим ли, но, что бы ни деялось,
Всё полно значенья, и цель высока.
Мы едем, качаемся... За поворотом
Нас встретит лесная душистая мгла.
А там земляника и тёплые соты!
Там в липовом мёде увязла пчела.

1983

Я вышел. Сосны чуть дышали.
Сегодня рано рассвело,
И птицы утро оглашали,
И хвоей сыпало крыло...
Но путь – сплошное перепутье!
Убоги и слепы дома.
Сугробов волдыри и вздутья,
И лужи чёрные без дна.
И всё ж вперёд! Вперёд по талу!
И пусть в ботинки льёт вода,
Пусть вторит птичьему хоралу
Хруст мной ломаемого льда...

И влагу мартовской лазури,
Что, как слеза Христа, ясна,
Вдыхать до коликов, до дури
И выдыхать – весна! Весна!

1983

За окном – ночь во весь рост.
Лампа голову низко склонила...
Будто вот замахнётся и... на погост
Вынесут вон, проливая чернила...
Но даже так! Мне не спать до утра,
В путях рифмованной одури,
Пусть не гусиного, но пера!
Скрипом сухим окуриваться!
Двигать словами, как на доске
Шахматы двигают и обмирают,
Когда, от мата на волоске,
В два хода всё же выигрывают.
И помнить, как Каменщик «Камень» рубил,
Акрополь прекрасный закладывая,
И как Философа вдруг соловей разбудил,
Марбург гортанью обкладывая...

Ночь от тебя в двух шагах, как от них.
Вот, обхвати за торс её!
И на лопатки! в бурьян, за штрих
Скобок, строк, запятых и так далее...

1986

Снег замелькал, обиженный и мокрый.
Угасли хризантемы на столе.
Давно осыпавшись хрустящей лёгкой охрой,
Деревья замерли, чернея, во дворе.
Затопим печку! Слишком уж тоскливо
Глядеть в окно, пусть лучше на огонь.
И говорить, и пить неторопливо,
Горячий чай сажая на ладонь.

1983

МАЙ

Вишни изломаны снегом.
Пыль от дороги над дачей.
Пчёлы без устали жалят
Каждый цветок наудачу.
Пчёлы без устали жалят,
Пыль оседает на лица,
Лето плывёт из степи
Дойною кобылицей –
Дойною кобылицей,
Рыжей, неторопливой,
Пахнущей медуницей.

А жеребёнок где-то,
На четырёх спичинках,
Из пластилина...

1985

Охрипший колокол сырого февраля
Сегодня был разбужен спозаранку
Пахучей синью свежего белья,
Весенним ветром, в майке наизнанку...

Разбитый колокол плывёт на дно реки,
И тает снег, и солнце тоже тает...
И нет свободней и бедней руки,
Чем та, что белый лист латает...

В проталы чёрные засеяна трава,
А в строки чёрные – весна и просветленье.
И жизни нашей чёрная глава
Содержит радости мгновенья...

1987

Холодное колодезное небо
Глотаю, обливая грудь.
И ломит зубы, обжигает нёбо,
И к сердцу пробивает путь.

Мне дышится, как вспаханному полю
В испарине апрельского тепла,
Как паводку, почуявшему волю,
Застигшему околицу села...

И вот грачей взволнованное вече
Над колокольной брошенной шумит,
Но будто и она сквозь шум и вечность
Охрипшей медью говорит.

1986

По первому снегу,
По тихому саду
Бродил я в раздумье...
И таяли мысли
В тоске непонятной
И в сумерках сада.
И вдруг я наткнулся
На взгляд Твой
Осенний,
На взгляд Твой
Вечерний.
Огромное сердце,
Лишь сердце осталось
В заснеженном мире...
А Ты уходила
В сгустившийся сумрак
По белой аллее.
И стало вдруг зябко
И так одиноко...
И был я счастливым.

1983

Тревожный крик полночной электрички,
Процеженный сквозь жидкий вербный дым,
Был понят здесь лишь лампой электрической
Над полустанком тихим и пустым.

А запах шпал, уже плывущих
В тяжёлом, гибнущем снегу,
Напомнил нам, пока живущим
На островке, на берегу,

Что там, за краем, за разливом, —
Чужая, чёрная земля,
Где в красно-талых дебрях ивы
Хранят зачатки февраля...

И вдруг на мостике скрипучем
Мы в поцелуе обомрём —
Весь мир ракушкою закручен,
И даль хрипит прибоем в нём!

1987

Белый сумрак подъезда.
Снегопад, нескончаем,
Нежной свежестью веет
В равнодушные лица.
Здесь по серым ступеням
Пронесли хризантемы...
Пустота еще держит в себе
Их горчащее благоуханье,
Что, смешавшись со снегом,
Овевает усталые лица.

Снегопад будет длиться,
Пока держится в сумраке запах
Поздних белых цветов,
Что куда-то наверх
По холодным ступеням несли
И оставили здесь
Только горькое чувство
Утраты.

А они где-то там,
На одном из твоих этажей,
Мирозданье, попавшее
В этот сачок снегопада, –
На столе в хрустале,
В перекличке с мерцанием люстр.
Только мир переполнен печалью
Чистой, как налетающий снег.

1991

ОСЕННИЙ ЭСКИЗ

Оплывший полый голый лес
Дождём обглоданных черёмух...
Но, как отчаянный пловец,
Раздвинув гибельную дрёму,
Он рвется вплавь от этих мест,
Обняв октябрь водоёмов
И холод пустоты окрест,
Туда, где, грезилось ему,
В дыму черёмухи цветущей
Качаем тьмой, качая тьму,
Барак плыл баркою скрипучей
К прогнившим сходням, где луна
Украденная с колокольни,
И как-то дерзко, и крамольно
Умкнутая путём окольным
С весельным всплеском баркарольным,
В зелёной патине одна
Почила колоколом медным
В объятых жирной тины дна,
Там будучи погребена
Или утоплена намедни.
И лишь порожняя баржа,
Страшась, ржавея и дрожа,
Заскрежетала вдруг невольно,
Но сном мятежным сторожа
Забылись глубоко довольно,
Да так, что их не оторвать
От дна, и сна, и от течения –
Пловцов, стремящихся поймать
Намёки лунного свеченья
В размытых полосах верже,
В ночном кошмаре спящей баржи,
Который зиждется и брызжет
Под патиною Фаберже.

1992

МАРТ

Марта марлевый вспоротый ворох.
Глубоки и беспмятны сны.
Глыбки холода. Голода порох.
Голос злой и похабной весны.
Разухабисты веси и долы.
Тяжко дышит сырая земля.
Тени льдисты, черны и бесполы.
Плотны золы и меты угля...
И пугает виденьями ада –
Одурь тленья, пожарища гарь...
Март – безумец, отравленный смрадом, –
Камедь сукровицы? – Янтарь!
Март Маратом помаран... И мором
Угрожает вода городам...
Разлетаются вороны... Море
Подступает к усопшим садам...
Марта вымеры, марта мера,
Марка Марса на новый конверт,
Объявление в афишах, премьеры,
Приглашенье в утопший концерт.
Так какую же всё-таки тайну
Нам откроет потёкший ледник –
Тут ли всплывший, протаявший Гайдн?
Здесь ли Генделя жаркий парник?
Иль, отвлекшись от слякот пленэра,
От набрякших, расширенных вен,
Здесь, над алчущей ямой партера,
Первой скрипкою балует тлен?
Марта обморок... Марта морок...
Марта капельный гибельный морг.
В талых пролежнях, в ужасе корок...
Пригубивший смертельный восторг!
– Это там, где леса оборвались
В колокольной высотной возне,
Взмыто, вымыто засияли
Небеса! И готовы звенеть!

ФЕВРАЛЬ

Глядит сквозь стёклышки очков
Владелец ношенных снегов –
По грудь в шуге бумажных кип,
Он простудился, он осип,

Его засаленные тропки
Уже потребовали штопки,
Как локти старых рукавов,
Да вот ему не до обнов –

Свести бы с дебетом кредит!
Баланса нет!.. И он сердит.
Ах, нынче ненадёжен траст,
Как солнцем истончённый наст!

Но он влюблен в свою цифирь,
Словно персидский царь в Эсфирь!
Ему грессбух как часослов...
Февраль – бухгалтер? Богослов!

1994

На перевале Ак-Куюк
Над облаками я стою.

В прохладном обществе вершин
Я отдыхаю от машин.

И здесь в заоблачном краю
Дымит шашлычня, как в раю...

Шашлычник – да! И добр и лыс,
Но вот в пиалке «вырви глаз» – кумыс,
И, ноги подбрав, сидят в молчанье горы,
Как ни веди туманные над бездной разговоры,
Не зная тюркского... – Лопочет что арык?!
Ведь пахнет отсебятиной шашлык!

И ворот осторожно поправляя,
Сдавивший по-предательски кадык,
В тревоге я мангала дым вдыхаю...

1994

На оторвавшейся затеплившейся льдине
Вращается китайская беседка,
Да пагода из хрупкой древесины,
Да птичья опрокинутая клетка
И соловей, растаявший в тумане...

Но может быть, как эти птицы вскоре,
Вернувшись в дом, приносят снова счастье,
Хоть песнь его, вернувшись, нам поможет
Избегнуть с ледоколом столкновенья,
Но просто так я избежать не в силах
Как нервной дрожи, так и потрясенья.

Но вот вверху – над уровнем тумана –
Я вижу свет! Там вынул из кармана –
Нет-нет! Не ножик, а – фонарь карманный
Какой-то неподкупный гражданин!

Вот так бывает – вынут из штанины
И светит в мрак и в дождь, и в холод
Без всякой прикладной, так скажем, цели,
Без всякой видимой, казалось бы, причины,
Без всякой ясной здоровой задней мысли...

И только мы внизу, впотьмах обманных,
Промокшие, промёрзшие насквозь,
Дрожащие, готовые погибнуть,
Простывшие, готовые чихнуть,
Уж мы-то знаем, как бывает нужен
Карманный батарейный фонарик
В руках надёжного простого гражданина,
С непотопляемой нам светящий горы.

1995

Сырая акварель апреля
Прозрачным холодом сквозит.
А солнышко бордюры белит
И окна пыльные стеклит.

Мной каждый встречный узнаваем,
Мне в каждом оклике – привет,
Меня пунцовые трамваи
Пронесут на зелёный свет

Туда, где верба молодится,
Где воздух беден, но счастлив,
Где в кепке пригород кружится,
Махорки прелой покурив.

1996

Уж, загибаясь, глохнут фонари,
Бессильные борются с хмарью льдистой.
Да всё каким-то тусклым куцым свистом
Заплёскивают зорю сизари.

А он не откликается на имя,
Посасывая зиму, как малыш,
С худеющих оттягивая крыш
Стеклянное сосулечное вымя...

Рэм? Ромул? Или Марк Аврелий?
Март – неприглядное дитя!
Кем станешь ты, немного погодя,
Под сенью и в сиянии апреля?

1996

Когда ещё отлягут холода!
Но зеленью полынною пронята,
В край полыньи колотится вода,
Предчувствием волнительным объята...

Умягчилась несносная погода.
Отъявленное стала синева.
А вот и Сретенье... Гляжу в лицо природы,
Забыв на радостях приветные слова, –

Запыхавшись, в смущенье сердце бьётся,
А я, как рыба, разеваю рот...
И надо мной в ответ она смеётся
И сверху солнце, словно масло, льёт!

Но вот на стол поставлены блины,
Да, выпив чарку крепкой водки нашей,
Зачерпнутой из зимней глубины,
Уж, подбоченясь, Масленица пляшет!

1996

Люблю его за то, что он –
По счёту третий,
Что без зарубин, без отметин,
По брови снегом заметён,
За то, что утомлён собой,
Овечьей шкурой,
Зимой, сожительницей-дурой,
Хандрой, хворобою-судьбой.
Что, словно морж, идёт в заплыв
В подлёдный – в прорубь,
Где мы, рывком отёрнув шторы,
Глядим в сосулечный наплыв!

1996

Пока уверены морозы,
Что им ещё отпущен век,
Но уж от зимней снежной прозы
Набрякших не разлапить век.

Уж снега, смётанного в шапки,
Как сена колкого, – стога,
И, как в котёночьих царапках,
Зудится на ветру щека.

Но всё же, в плечи пряча шею,
Пимы напялив, пешеход,
Словно в глубокую траншею,
Гулять на улицу идёт.

Да что на улицу! На реку!
Где клохчет в прорубях вода,
Где на рыбалке человеку –
К лицу усы и борода!

А у зимы по счёту третий
Примак Февраль, туда и он –
Тянуть плотвицу междометий
Из-под слепого льда окон.

1996

Дым, вызрев в утробе котельной,
С трудом покидает трубу,
Столкнувшись с погодой метельной,
Клянёт невезуху-судьбу:

Ему помешали подняться.
Его прибывает к земле.
И вынужден он ковыряться
В родимой постылой золе.

Лишь далее, вырвавшись в поле,
Становится дымом иным –
Далёко в бескрайнюю волю
Буруном искристым клубим.

1997

Котельная, угольный воздух,
Кирпичных задворков углы...
Рябин закопчённые грозди,
Намёты февральской золы...

Чумазое сердце Белова
Тревожит залётный снегирь,
Похожий на крепкое слово –
Анадырь, имбирный, волдырь.

1997

Я мартствую, я пью огонь рябин,
Огонь зари и зарево заката,
Огни небес, когда в ночи один
Свидетель я кошачьего разврата.

Свидетельствую я, что воздух стал хмельным,
Как выдутый мехами, как из меха
Кузнечное вино... Над кузницею дым,
А в шубе меховой – прореха...

Я пью тебя, весна! Но пьёшь меня и ты!
Пьяней и ты, как я пьянею
От острых черт твоих, от влажной черноты,
Над пропастью блаженства цепенея.

1997

НА ЛЬДУ

Когда наступила на горло
Ангина – куда её деть?
Когда и дыхание спёрло,
И голос готов онеметь...

И видимо, это непросто,
Оставив на корке надрез,
Размашисто, быстро, надкостно
По льду расписать полонез...

Но я всё стараюсь и пыжусь,
Ведь даром что ль солнце с утра?!!
Коньки нацепляя и лыжи,
В подъезде гремит детвора!

И выбив на совесть соплющи,
И выпив микстуру до дна,
Я, нос свой о стекла расплющив,
Таращусь во двор из окна,

Там шайба, спасаясь от клюшки,
Летит по катку декабря,
И прячется в мягкой ловушке
Клонимого в сон вратаря...

1997

Свет, прореженный и постный,
Во дворе косынкой лёг
На блестящий, нищий, костный,
Оголтело голый лёд.

Разъезжается прохожий.
Даже взгляд скользит, упав,
И его поднять не сможет
Даже тот, кто в споре прав.

Мы повздорили с тобою.
И, пожалуй, это зря –
Не дошло б до мордобою...
В общем, проще говоря,

Прекращаю словопренья –
Нас ноябрь рассудил:
Понял я, что сила тренья
Это лучшая из сил!

1997

Здравствуй же, мой друг ноябрь!
Гололёд твоих дорог
Дорог мне... Но я бы
Окончательно продрог,

Если бы не скрип качели
С глубины, со дна двора,
Где её в канун метели
Позабыла детвора.

И, не ученный по нотам,
Воздух, падая с высот,
Возвращается к высотам
Одинокой парой нот.

Это я качели тронул,
Пусть звучит не пастораль!
Только в сердце в тон их тону
Вдруг затеплилась печаль...

Каждый ведь поёт, как может,
И о том, чего болит...
И меня, пожалуй, гложет
Память прожитых обид...

Вот и я уже неделю
Лист чернилами кроплю
И, совсем как те качели,
Золотым пером скриплю.

1997

СТАРОСТЬ

Когда истончается воздух,
Как долго носимая ткань,
Потянешься – вот бы и роздых,
А ткань превращается в рвань...

И видимо через прорехи
Зияние голой зимы...
Но тем, кто глядит, не до смеха,
Горюем же с ними и мы.

Но полно, ведь некуда деться –
Давай-ка напаялим пимы,
И печке позволим прогреться,
И к небу направим дымы!

1997

В ТЕНИ

Лежу и слушаю поющий с гор арык.
Души б не чаять в этом вот акыне,
Но есть ещё створоженный катык
И скобами нарезанные дыни!

Пирамидальна пушечная гроздь –
Круглы и чёрны ядра винограда...
Напóенная влагой редких гроз,
Витая тень полна шуршаньем гада...

Она могла бы ублажить усладой,
Когда б не вдруг, над грудой абрикос,
Ниспосланных мне досаждать осадой –
Гуденье пьяных и тяжёлых ос.

1997

ВИДЕНИЕ

Оперённый взгляд мой вперед
В глыбу глуби голубой –
В этот сгусток атмосферы
В пашне неба грозовой,

Тот, что там стеснен горами
Допотопных облаков,
Потрясаемый громами,
Как ударами шаров!

Мне почудилось: в горниле
Сквозь алмазно-светный дым,
Устрашась своей же силы
Удирает Серафим!

1997

Венских стульев скрипучий изгиб
И соломенной шляпы ржаные поля...
А за домом в лесу еще тянется к воздуху гриб,
Чтобы, там обнаружив, поймать на лету журавля.

Но желтеют колосья сухого букета,
Потянулись на юг вереницы кочующих птиц,
И за тем, как меняется угол падения света,
Осень чутко следит из-под полуприкрытых ресниц...

Но не всё её вотчина, ей всё ещё не подвластны
Воздух августа в комнатах, в тёплых и пыльных углах,
Хор лягушек зелёных и очень горластых
И отава в лугах...

Вот ещё одно лето тебя и меня миновало,
Лист кленовый оставив нам между страниц
Книги жизни, которую с нами читало,
Не смыкая анютиных глазок и ртов медуниц...

1999

Твоё лицо ощупывать губами
И находить солёный жемчуг слёз,
И понимать, что море между нами,
Бездонное и горькое, – всерьёз...

На берегу, томясь, терзаясь, старясь,
Мне должно ждать век милости Твоей,
Предчувствуя, что только чёрный парус
Увижу я, как некогда Эгей...

Четырнадцать отправлено за море
Ни в чём не виноватых поцелуев...
Верни мне их! Конец положим ссоре!
Не будь же строгой, с данников взыскуя!

Четырнадцать нежнейших поцелуев...

Четырнадцать ...

1999

Лежу и слушаю с промятого дивана,
Как где-то в комнатах, на верхних этажах,
Блуждает одиноко фортепьяно
С подсвечником и с чётками в руках.

Определённо в полутёмной спальне
Припоминает польский полонез,
Где на подушках дремлет кот нахальный,
А память отказала наотрез.

Вот оступилось, вот оно на кухне
О край стакана ложечкой стучит,
О совершенном музыкальном слухе
Чего-то там под нос себе бурчит

(Что молоточек с кнопкою – брехун,
Что папиросная бумага между струн...).
В избытке же расстроенные чувства
По поводу высокого искусства...

Но вот, забравшись на стремянку в зале,
И с партитурами,
Сдувая с папок пыль,
В мохнатых шлёпанцах, доверив плечи шали,
Оттуда спустится,
И вот из-под стопы
Вновь заскрипят старательно педали...

1999

Рясно ранетки уселись на ветку –
Эка они налились!
Смотришь, рукой прижимая беретку...
Эх, да поди дотянись!

Яблочным пламенем – отблеском рая
Манит холодная высь,
Это октябрь тебя искушает –
На-ка, попробуй! Возьмись!

Ну-ка, подпрыгни – схватись за сучок!
В небо забраться – долга ли наука?
Туфельки сбрось, не сломай каблучок!
Всё тебе будет – была бы долука...

А у меня только мокрые спички,
Дырки в карманах
Да крошки синичьи...

1999–2009

Рабочими с литейного завода
На митинг стачечный стремились облака...
В мозгу сентябрь, как по воде разводы
Мазутные, а на сердце мазутная тоска.

В который раз я птицами покинут,
Пустого неба факт осознаю –
Им буду принят я, иль буду вновь отринут?
Смогу ли петь? И так ли пропою?

Но вот пока что слушаю Карузо,
Пусть патефон коррозией пробит,
Шершавым тенором, как рашпилем, кургузый
Мой стих отточием пускай он удлинит.

1999

Вот уже и первую окрошкой
Балуем пустые животы,
И уже нас донимают мошки,
С наступленьем майской темноты.

Жизнь течёт, всему есть свой черёд:
Жечь костры, а там сажать картошку...
Брать колбу в плетёное лукошко
В лес спеша, как будто в огород.

Ну а тот, кто дальше всех зайдёт,
Может быть, порадуетя чуду –
Сквозь листвы пожухлую полуду
Первоцвет пробившийся цветёт.

1999

Мы вышли из зимы, как из больницы –
На ватных и свалявшихся ногах,
И больно слышать, что кричат там птицы,
Кружа в гороподобных облаках...

При встрече к нам спиною повернулась
Сухая и жестокая весна,
Как будто крошкой, нами поперхнулась
Иль только оторвалась ото сна...
Она не ждёт нас – мы её заждались.
Но даже так – мы рады что есть сил –
Зажглась звезда, поднялся донный ил,
Слова с водой в речах реки смешались...

И всё готово к продолженью жизни,
Лишь только крепче за землю держись.
Как тесто на дрожжах, как на капусте слизи,
И в нас крепчает, подымаясь, «жисть».

А, оттолкнувшись, мы ещё сумеем
Пойти вперёд, а может быть, поплыть
К другому берегу, который, разумею,
Нам предстоит как раз таки открыть.

1999

Ну вот, весна несёт в лукошке
Лиловые пучки колбы,
А мы к заклеенным окошкам
Всё припечатываем лбы.

Пора бы ветру в нашем доме
Устроить полный кавардак –
Весь день стоял в дверном проёме
Он, переросток и чудак,

Нас на прогулку зазывая
Зелёным воздухом дышать –
Всех тех, кто, в полный рост зевая,
Готов до осени проспать!

1999

Он принудил прижаться друг к другу,
Забежав под раскидистый вяз,
Как загнавший противников в угол,
Откровенно над нами смеясь...

Но последнею точкою в споре
Дождь оставил нам, капать устав,
Кукушкины слёзки и горечь
Июньских взволнованных трав...

1999

Февраль. Каракулевым снегом
Укрыты тёплые дома,
И ясно, что ещё зима, –
По лыжным массовым забегам...

И всё же что-то изменилось –
Чернее тени, круче их наклон...
Переменили гнев на милость
Морозы, поменяв фасон.

Февраль. Каракули по снегу
Поспешно чертят воробьи,
Прыжки предпочитая бегу,
Непостоянные в любви...

Им иероглифы, пожалуй,
Известны более, чем мне.
Эй ты, пострел, а ну побалуй
Изящной танкой о весне!

2004

Когда воскресный кукурузник
Порвёт туман двойным крылом,
Его опора и союзник,
Я здесь в канаве бью кайлом.
Вот эта грубая работа
Нас может с ним объединить
И между мной и самолётом
Натянет кордовую нить.

Он напрягает старый остов,
Одoleвая высоту,
И мне внизу отнюдь не просто
Вгрызаться сталью в мерзлоту.

Он со счетов давно уж списан,
Я исписался – что с того?
Не предназначенный для выси,
Я понимаю мысль его:

У нас единая задача –
Себя по ходу превозмочь,
И эту жизнь переиначить,
И в ступе воду истолочь!

2004

Посмотри-ка, сколько снега!
Как искрится он, как бел!
И опять твоя телега
Оказалась не у дел.

И пора садиться в сани,
Лучше всё-таки в свои...
И пора бы устаканить
Страсти летние твои.

Да, пора остепениться –
Стать серьёзней и мудрей.
И пора освободиться
От зубов и от кудрей.

А любить пора до гроба,
И цыплят пересчитать,
И глядеть пора бы в оба
Иль хотя бы не зевать!
Только я вот всё зеваю
Год за годом, день за днём,
И никак не успеваю
Сделать верный ход конём.

Вижу только, как рябины
Облепили снегири,
И под ними, как в ангине,
Снег декабрьский горит.

2004

Ворох звёзд над брезентом палатки.
Ворох мыслей и ворох тревог.
Это ночь обступила украдкой,
Воздвигая над нами чертог.

Бивуак стал вдруг тёмен и жалок.
Спят под пеплом уголья костра.
Но сбываются речи весталок,
И полвека ещё до утра.

Мне не спится, я выйду на волю –
Постоять на краю естества,
Там, где космоса шею воловью
Лобызает лесная листва...

В темноте растворились границы...
И вселенная между ресниц...
И ночные встревожились птицы,
С толку сбитые светом зарниц.

И, приблизив тяжёлую морду,
Мироздание дышит в лицо,
И туманов кочующих орды
Лагерь наш окружают кольцом...

Над открывшимся ужасом бездны
Ужасаюсь – и всё же стою
Я над пропастью пропасти звёздной,
На поросшем травой краю...

2004

От воды или
от скрипки
Проступили
в сердце цыпки,
Словно в детстве
на руках?
Словно прячется
в кустах,
Как в засаде,
детский страх
Перед этой
вешней льдиной,
Перед дыркой
в сапогах...

2004

Отсюда, из ямы, мой ямб не слышён –
У нас в захоlustье, в пупке мирозданья.
Живём мы вдали от столиц, и смешон
Столичным вам вид наш и наше сознание...

Но звёзды отсюда нам лучше видны,
Они здесь крупнее и ближе,
Они по хозяйству бывают годны,
Когда опускаются ниже...

Порою луна здесь в халате и в бриджах
Верхом на медведице едет неспешно,
Отсюда рукою подать ей до Фиджи,
До Пасхи, до Куско, до Пешта...

Прислушаться если: а здесь тишина,
К земле прижимающим ухо,
Вам песня Австралии будет слышна
О нашем братке, о Миклухо...

2004

ЧОК-ЧОК

(О прихотях стихосложения)

Начну с того, что этого можно было бы и не делать, но мне было интересно посмотреть, что там...

Преодо мной было дерево, а скорее лес растущий из одного корня, из одной рифмы, из одного семени. И там, куда уходили рукава ветвей, разветвляясь и исчезая в тумане, там, куда уводили петляющие, путающиеся в могучем кустарнике тропы, – там была тайна...

Зерном, из которого всё выросло, был «Чок»... Что такое «Чок», я и сейчас не знаю. Ни в одном словаре я не нашёл значения этого слова, выпавшего из какой-то детской считалочки в те незапамятные времена, когда куры в курятнике умели разговаривать и очень внимательно заглядывали в глаза, несмотря на свою страшную куриную слепоту... Вспомните! – «Чок-чок, зубы на крючок. Язычок на палочку. Начинай считалочку!» Бабушка произнесла это магическое заклинание, когда мне было три или четыре года, но запомнил я её на всю жизнь. Никто не объяснял мне, да и не мог объяснить его значения, но оно было... Оно вошло в мою крохотную жизнь – живое, ползающее, производящее шум и испускающее запах слово из угольного сарая, где окно затянуто пластами толстой, чёрной от сажи паутины, где запах керосина хватал любого входящего своими жирными маслянистыми пальцами за нос, за одежду, оставляя на ней покрытые пылью и сажой пятна; это слово с улицы, куда нельзя было ходить, потому что там ходили страшные, похожие на черных длинноусых тараканов чеченцы с острыми, как бритва, кинжалами, готовые перерезать шею любому, кто встретится им в этот полдень... Слово, похожее на того жука-усача, которого я встретил в саду и который напал на меня за мой малый рост – и больно ущипнул за палец. Он пах гниющей прошлогодней листвой, свежей вишнёвой смолой, вытекающей из многочисленных ран, которые мы наносили старым, огромным, свешивающим до земли ветви вишням, и опять же от него пахло углём, пыльной паутиной и керосином. Слово путающее, таящее опасность. Но влекущее тайной своего существования, тайной жизни, скрытой от постороннего взгляда, так странно и неразрывно связанной с моей, уже перевалившей за полдень.

Итак, зерно брошено. Корешки, ветвясь и исчезая в темноте, устремились вглубь – в подсознание, в кладовые памяти, а стебель, разрастаясь, устремился к свету, к воздуху, к небу. Ко всем вам, дабы стать стихом, дабы воссоздать в звуках, созвучиях и словах мир, где можно присутствовать, осязая его, дышать, жить и радоваться его краскам, звукам, запахам.

Мир, преисполненный тайны, мир, в который, может быть, заглянет когда-нибудь Бог... Весь мир в стихе, и этот мир – стих...

Что для меня стих? Что я для стиха? Да, я пишу его... Но не записываю! Что мне записывать, если я ничего не знаю? А впереди только тайна?... Впереди неизведанный, живущий по своим законам мир, куда вхожу я и веду за собой читателя. Стихотворения для меня не запись уже готового образа, а путь – в новую землю, в новое пространство, в неизвестность... Это возможность приподнять завесу божественной тайны, пройти путь, однажды пройденный Богом, и тем самым приблизиться к нему, испытать блаженство соучастия в творении, и когда это удаётся, я по-настоящему бываю счастлив.

Итак, зерно брошено... Ростки – не один-два, а пять или семь, растущие в разные стороны, непрестанно делящиеся надвое, заполняющие, а вернее, создающие собой пространство, лес, в котором тропы ассоциаций разбегаются, соединяясь и переплетаясь в нервные узлы новой стихотворной яви.

И хочется пройти каждой тропой, пусть даже они разбегаются в разные стороны, и желание разрывает тебя, и самое близкое и самое глупое – это написать пародию на считалочку:

Чок-чок, чок-чок –
Дурачок попал в сачок...
Может, не было б просака,
Был бы жив Ванцет да Сакко...
Дал бы всем карандаши —
Нак, возьми – перепиши!
Ну, а так тебе шиши!

Шишли-мышли – сопля вышли,
Что над этим размышлять?
За соплями вон – гулять!
Но не кидайся, как зверь,
Выбивать ногою дверь!
Дверь откроется сама,
Дал бы Бог тебе ума...
Не забудь лишь снять крючок.
Чок-чок, чок-чок,
Чок-чок, чок-чок.

Дурацкая рифма: чок-чок – дурачок... Тем не менее вспомнилось детство и карандашная фабрика имени итальянских коммунистов Сакко и Ванцетти; а ещё осень, похожая на содержимое бутылей, где дубовые чурочки, наструганные карандашами, дабы протиснуться через горлышко, обмениваются с самогонкой своими составными частями. И не столь важно, ядрёным ли будет коньяк, но важно, что от чурочек будет разить... Важно, что листья намокли и отяжелели и их потянуло ко дну, что пруд побурел, и куры, склонные философствовать, пьют эту осень бельмом на глазу, медитируя и цепenea на одной ноге... И в пору примерить гусиную кожу прибрежным камням, так же оцепеневшим от мурашек, бегущих по ним, пробегающих и по старой спиральке старенькой сорокаваттки с креветкой внутри... Старый креветчатый свет осени на прутиках и спицах, разматывающий шерсть вечера, скатанную в серый клубок...

Вспыхнет в лампочке креветка;
Чай на плитке закипит,
Коготчком птичья ветка
Мне в окошко постучит.
За окном темно и сыро,
Там хозяйничает Чок...
Дал я серой мышке сыра,
Двери запер на крючок,
Чтобы мышке стало сытно,
Расхотелось шебуршать,
Да и прочим малобытным –
Крепче сон и слаще спать.

...И дальше – стеариновый огарок сна, состав плетёных стульев и абажура, сброшюрованного с переплётами окон и пачками старых журналов... Шкворчание сковороды, скрип половиц, засаленные щёки фаянсовых чашек, куски желтоватого рафинада вперемешку с яблоками поздних сортов...

В лампочке вспыхнет креветка,
Лапками шевеля,
Стукнет из сумерек ветка,
Словно шая...
Вечер мы серою шерстью
Туго смотаем в клубок...
Бабушка скрюченной перстью
Двери запрет на крючок...
С братом прижмемся носами
К стёклам: «Ну, где этот Чок?!»
«Видел?! – Шевелит усами!..
Только об этом молчок!»

Воздух уже очистился от жужжащих, летающих и кусающих паразитов, а к вечеру он и впрямь ключевой-родниковый, так обжигающе холоден и ломозуб... А репейник становится страшным чудом-юдом, стерегушим нас, зазевавшихся...

На дворе темно и сыро –
Эту мглу бери и пей!
Но куда нам – простодырам –
Взьерепенится репей!
Вспыхнет в лампочке креветка!
Чайник с печки убежит!
И в окошко, как соседка,
Птичья ветка постучит,
Постучит, да захлопочет,
Да никак не объяснит,
Что она, бедняжка, хочет,
Что случилось меж раки.
Жёнку ль там мужик гоняет,
Выпив лишнего чего?
Иль опять кума рожает
Недоноска своего?..
Ночь темна и бестолкова...
Да накинь на дверь крючок!
Не понять уже ни слова,
Ляг-ка лучше на бочок!
Глянь – уже опочивают
Мышка, мушка, паучок,
И на это закрывает
Глазки-щелки старый Чок.

О, эти разговоры взрослых вечерами, сливающиеся с фоном, с рисунком на надкроватном коврике, малопонятные, как темнота за окнами, как странный этот, этот пугающий «Чок»...

Пусть в лампочке вспыхнет креветка
Пусть ток шевельнётся в розетке,
И пусть только с третьей попытки
Наш чай закипает на плитке
А бабушка шепчет – «Чок-чок...»,
На петлю накинув крючок.
И долго мы книжки листаем
И все же пока что не знаем
Да кто он такой, этот «Чок».
Быть может, седой старичок,
А может, простой паучок,
Иль черный сверчливый сверчок,
Иль травки волшебной пучок,
Иль красного перца стручок?
И так до полночи гадаем,
Невежды, а вежды смыкаем,
Удобней ложась на бочок,
И вот раздается молчок.

Детская жизнь, исполненная страхов и вождлений, исполненная тайны и открытий, иногда предлагала и испытания:

Копошится в лампочке креветка,
Светит с запылённой теплотой...
Окна натываются на ветки,
Заболев куриной слепотой...
Увещаю сумерек осенний
Временно хотя бы отступить –
За ограду, за забор, за сеник:
До колонки за водой сходить...
Мне идти, а я боюсь и знаю –
За порогом чёрный, как сверчок,
Притаился в угольном сарае
Непонятный и ужасный Чок.
Но иду, одет гусиной кожей,
Я с ведром, качаемым с тоски,
И во мне, как в лампочке, похоже,
От мурашек дыбом волоски...

Но вот клубок разматывается, рожок или дудочка детства звучат тише, и только во сне мы встречаемся сами с собой – с теми прежними, какими мы были там, в начале жизни, чтобы снова ощутить присутствие великой тайны – тайны нашего бытия...

В лампочке шевелится креветка,
А в окно с угрозой стучит
Птичья цепкая рассерженная ветка,
Да поленья щелкают в печи.
Тусклое ложится освещенье
На дощатый, в выщерблинах стол...
Ветхое жилое помещенье...
Под ногами жалующийся пол...
Вяжет бабушка на тонких длинных спицах,
А котёнок путает клубок,
Что ему носки да рукавицы –
И зимой он ходит без порток!
Загудит в трубе осенний ветер,
Снова ветка стукнет из ночи...
Вычитав все новости в газете,
Дед опять надолго замолчит.
Я ж, сомлев от выпитого чая,
Всё прошу мне сказку рассказать,
Но плывут, куда-то ускользя,
И мои тяжёлые глаза.

Итак, семь стихотворений вместо одного. Семь стихотворений, растущих из одного, не сумевшего вместить всё разнообразие впечатлений и образов, каждое из которых требовало своего места, требовало внимания и времени, требовало, как дитя, чтобы занимались именно им...

Я же, служа им всем, хотел угодить каждому. Я думаю, что семь этих стихотворений не являются циклом стихов в общепринятом представлении. Скорее, это веер, который, будучи раскрытым, показывает разнообразие возможностей поэзии.